

МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ



Администрация города Малоярославца
Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года

МАЛОЯРОСЛАВЕЦ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

Материалы научной краеведческой конференции
«Малые города России. Малоярославец — проблемы
истории и возрождения»
(6-7 октября 2000 г.)

Малоярославец
2001

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. С. Крючков.</i> ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	3
<i>С. О. Шмидт.</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>А. П. Луняков.</i> ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА И ЗАДАЧИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА ..	11
<i>С. М. Кашистанов.</i> К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ УПОМИНАНИИ И ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ МАЛОЯРОСЛАВЦА	23
<i>В. Ф. Козлов.</i> КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ РОССИИ В СИСТЕМЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1990-х гг.	32
<i>Л. В. Митрошенкова.</i> МАЛОЯРОСЛАВЕЦ — МАЛЫЙ ГОРОД РОССИИ. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ	42
<i>Г. И. Королев.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕАЛОГИИ ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ МАЛОЯРОСЛАВЦА XVII ВЕКА	54
<i>С. Н. Селедкина.</i> ИСТОРИЯ ГОРОДА МАЛОЯРОСЛАВЦА ПО ДОКУМЕНТАМ РГИА	60
<i>М. А. Добычина.</i> ДОКУМЕНТЫ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИХ УЕЗД- НЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (XVIII в. — 1860 гг.): Обзор фондов Государственного архива Калужской области	66
<i>В. С. Зеленов.</i> ИЗ ИСТОРИИ ВАРШАВСКОГО ШОССЕ	74
<i>В. В. Демченко.</i> КРЕДИТОВАНИЕ МАЛОЯРОСЛАВЦА: ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ	80
<i>И. М. Нагаев.</i> «НЕУДАВШАЯСЯ РЕФОРМА» (к истории Мало- ярославецкого края в 1923 году)	96
<i>А. А. Бауэр.</i> МАЛОЯРОСЛАВЕЦКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЭТ ПРОХОР ГОРОХОВ (1869-1925)	99
<i>Г. А. Мельничук.</i> РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ РАБОТЫ В НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ. (По материалам периодической печати Малоярославецкого района Калужской области)	104
<i>И. М. Нагаев.</i> ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ РГВА ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО КРАЯ	118
<i>А. А. Бауэр.</i> ПИСАТЕЛЬ АНАТОЛИЙ БАУЭР: ЖИЗНЬ И ТРУДЫ	120
<i>Л. Б. Сорокина.</i> ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС В СЕЛЕ ТРУБИНО ЖУКОВСКОГО РАЙОНА И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ КНЯЗЬ К. О. ЩЕР-БАТОВ	128
<i>Л. А. Бацанова.</i> ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ В д. ДУБРОВКА (по документам ГАКО)	137

<i>Л. В. Калашникова.</i> СЕЛЦО ТЕРЕНТЬЕВО И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ	156
<i>А. А. Зорин, Л. П. Паутова, Н. В. Салахова.</i> ИМЕНИЕ ДУБРОВКА И ЕГО ОБИТАТЕЛИ	159
<i>Н. Н. Копосова.</i> ДОМ И УСАДЬБА ЛЕЙБ-ХИРУРГА С.П. ФЁДОРОВА В с. ВОРОБЬЁВО	164
<i>С. А. Малышкин.</i> УНТЕР-ОФИЦЕР С. ХАРИТОНОВ «...ИЗ СЕЛА ТРОИЦКОГО ПОМЕЩИЦЫ ДАШКОВОЙ»	174
<i>В. В. Легостаев.</i> ЛЕТОПИСЬ ЦЕРКВИ СЕЛА НИКОЛО ДОЛ	177
<i>В. И. Меленчук.</i> К ВОПРОСУ О ЕСТЕСТВЕННЫХ ВЫХОДАХ ПОДЗЕМНЫХ ВОД В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ. РОДНИКИ ГОРОДСКОЙ И ПРИГОРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	184
<i>В. В. Бубликов.</i> ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ РЕКИ ИСТЕРЬМЫ. (К составлению историко-археологической карты Боровского района)	207
<i>В. Ф. Козлов.</i> ТРАГЕДИЯ ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1931-1932 гг. (по документам московских архивов)	212
<i>В. Г. Пуцко.</i> РЫШКОВСКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА — ПРОИЗВЕДЕНИЕ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-78. гг.	231
<i>Т. О. Панфилова.</i> ЗЕМСКИЕ ДЕЯТЕЛИ БОРОВСКОГО УЕЗДА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.	242
<i>А. И. Ульянов.</i> ОБНИНСК— ТАЙНА ИМЕНИ	247

Предстоящее изучение левого берега Истерьмы, и локализация поселений расположенных здесь, нарисуют более полную картину исторического развития этого региона.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950. Стр. 15.

² Там же. Стр. 33-34, 74, 194, 355.

³ РГАДА. Ф. 1198, оп. 2, д. 187, л. 1 // Там же, д. 1229 // Там же, д. 1466 // Там же, д. 2393.

⁴ Там же. // Топографическое описание Калужского наместничества. С.-Петербург, 1785.

⁵ РГВИА РФ ВУА. Д. 1853. Ч. 1. Л. 1-1 об. Экономическое камеральное примечание городу Боровску и его уезду, 1880.

⁶ КОКМ.. Кл. 9284, оп. 15. Карта Калужской губернии.

⁷ КОКМ. Кл. 9284, оп. 8. Семитопографическая карта Калужской губернии. Топографическая съемка 1851, 1852 и 1853 гг.

ТРАГЕДИЯ ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1931-1932 гг.

(по документам московских архивов)

В.Ф. Козлов,

заведующий кафедрой региональной истории и краеведения
РГГУ, доцент, кандидат исторических наук., г. Москва.

В Центральном муниципальном архиве Москвы (ЦМАМ), Центральном государственном архиве московской области (ЦГАМО) и других хранится немало материалов о судьбах подмосковных монастырей в 1920-1930-е годы. Большинство таких документов составлено сотрудниками музейных и музейно-реставрационных учреждений, нанимавшихся в те годы охранной работой и музеефикацией наиболее известных монастырских ансамблей. В фондах московского областного отдела народного образования и Центральных государственных реставрационных мастерских хранятся два дела, содержащих документы о наиболее драматических событиях в Пафнутьев-Боровском монастыре в 1931-1932 годах ¹. Акты осмотров мо-

настырских памятников, докладные и объяснительные сотрудники музея обители представляют собой уникальный источник о состоянии в 1931-1932 годах архитектурного ансамбля и трагической судьбе сотен икон и других предметов монастырского церковного имущества. На основе этих материалов можно воспроизвести историю и масштабы монастырской катастрофы 1931-1932 годов.

В первые послереволюционные годы в национализированном Пафнутьево-Боровском монастыре музейным работникам удалось открыть небольшой музей. Часть жилых и хозяйственных помещений были переданы в распоряжение различных организаций. В монастыре продолжали жить и часть монахов, объединившихся в трудовую артель.

В июне 1930 года значительная часть монастырского ансамбля была передана Индустриально-ремесленной школе, во главе которой стоял некий В.С. Горохов, отличавшийся фанатизмом в борьбе с церковными памятниками и музеем. Заведующий музеем художник А.А. Покровский, не выдержав борьбы, на рубеже 1930-31 годов уходит из музея, а заведующим по совместительству МОНО назначил самого В.С. Горохова (!) Древний монастырь, наполненный историко-художественными памятниками, музей оказались во власти человека невежественного и враждебного к православию и его святыням. Началось разграбление и постепенное уничтожение уникального ансамбля, о чем стало известно в МОНО, где на учете находился бывший монастырь. В феврале 1931 года после этих «подвигов» Горохов был освобожден от заведования музеем. О том, что успел натворить сей деятель менее чем за полгода мы можем узнать из мартовского письма 1932 года в Москву сотрудника музея Ильина и последующих документов. Ильин писал, что первым делом Горохов отобрал у музея помещения, инвентарь, мебель и обставил свою квартиру и комнаты работников училища музейной мебелью и коврами. «Резьба по дереву и многие иконы, — рассказывал изгнанный А.А. Покровский, — сжигались в школьной кухонной печи». Срочно приехавший в Пафнутьев-Боровокий монастырь заведующий музейным фондом МОНО В. Троицкий застал фактически разгром музея. В составленном им отчете от 9 марта 1931 года дано подробное описание состояния памятников. Все экспонаты краеведческого отдела музея: археологические коллекции, надгробие Морозовой, образцы почвы, геологии и др.

были свалены в церковь Волконской. Книги, деревянные скульптуры, Царские врата XVII и XVIII вв., церковная утварь, три пушки и мортира помещались в паперти, отделенной перегородкой от древней трапезной XVI века, где был устроен клуб. Знаменитый Рождественский собор бы пуст и носил следы недавних разрушений: поломанный пол в храме и в алтаре (учащиеся искали ценности), разбитые окна, от паникадила остался только стержень и т. д. Темница Протопопа Аввакума была превращена воспитанниками в уборную².

Научно-методический сектор МОНО в мартовском и апрельском заседании предложил Ремесленной школе передать музею кроме прочего и ряд помещений (погребной корпус и весь верхний этаж братского корпуса). Новым заведующим Боровским музеем в апреле 1931 года был назначен Н.С. Сергеев. В.С. Горохов отказался сдать инвентарную книгу монастыря. Проверка же экспонатов показала катастрофические последствия заведования этого боровского «герострата». Из фондов музея пропало 385 (!) памятников, среди которых более 200 составляли иконы, а также кресты, облачения, фотографии; связанные с 1812 годом, коллекции камней и проч. В архиве сохранилась «Опись недостающих предметов Боровского музея» — своеобразный синодик значительной части истории монастыря. Пропала и тысяча книг, привезенных из закрытой Борисоглебской церкви Боровска³.

Казалось, что драматические события в монастыре и музее после вмешательства Москвы не повторятся, однако шел 1931 год — один из самых зловещих и гибельных в истории России для церковных памятников. Донельзя была идеологизирована и музейная политика в целом, повторявшая изгибы антирелигиозной нигилистической государственной политики тех лет.

Еще в апреле было решено в древнем монастырском соборе развернуть антирелигиозный отдел, сосредоточив в нем уцелевшие древние иконы. В трапезной предполагалось разметить сельскохозяйственный отдел. Для сотрудников музея отводилось на территории монастыря три комнаты.

Однако в мае 1931 года музей, бывший, и новые его заведующие Покровский и Сергеев составили акт, в котором предложили выделить из фондов «предметы, не имеющие музейной ценности и предметы, совершенно испорченные». Сами

же музейные работники указывали и возможности «использования» этих предметов:

«1. Все металлические предметы к сдаче Райфо и Рудметаллаторгу.

2. Все деревянные предметы использовать как материал для нужд и топливо.

3. Предметы из материи, часть которых возможна к использованию ... как тряпки для смахивания пыли»⁴.

Такое крайне циничное отношение самих же музейных работников к церковным памятникам по существу смыкалось с продолжающимися вандализмами учителей и воспитанников индустриально-ремесленной школы. В июне 1931 года воспитанники школы (бывшие беспризорные), взломав решетку в окне музея, сорвали весь золоченый резной орнамент с цоколя иконостаса, изломав его на куски. Новые безумные жители обители сбрасывали со своих мест гранитные и мраморные плиты и тумбы надгробий, вскрывали могилы в поисках ценностей. С крыш монастырских зданий срывались железные листы, ежедневно бились окна, пробивались старинные стены, не прекращались попытки взлома замков и дверей. Злоумышленники даже делали попытку разобрать кирпичную кладку помещений, где хранились серебряные ценности. Весь монастырский ансамбль «в крайнем запустении». Обо всем этом музейные работники с закономерным негодованием информировали Москву и Калугу. И в то же время своими же руками творили подобное.

Июлем 1931 года датирован список церковного имущества музея, подписанный заведующим Музейным отделом Троицким, и двумя заведующими музеями Покровским и Сергеевым. Список содержит 142 церковных предмета (более 80 икон, а также золотое шитье, кресты, серебряные и медные лампы, кадила, плащаница и др.). Напротив каждого предмета стоит указание «утиль» или «хозяйственные надобности» или «Уничтожить», что раскрывает дальнейшую трагическую их судьбу. А чтобы не было никаких сомнений в этой догадке, в конце списка составители его записали: «Вследствие того, что перечисленные предметы являются ремесленными и ни художественной, ни исторической ценности не имеют, предлагается музею часть использовать для антирелигиозных и декоративно-хозяйственных целей (на) оборудование музея, а остальное сдать в Райфо для реализации»⁵. Вскоре своеобразный мо-

настырский синодик пополнили медным II-пудовым колоколом, цветными камнями с икон (132) и жемчугом.

Как видно, и воспитанники-вандалы, и просвещенные музейные работники по-своему расправлялись с наследием древнего монастыря. Конечно же, разрушения, причиненные воспитанниками школы и Исправительной трудколонии (видимо также располагавлась на территории монастыря?) были особенно масштабны и кощунственны. В марте 1932 года в монастырь приехал известный реставратор ЦГРМ П.Д. Барановский, ужаснувшийся состоянием ценнейшего историко-художественного ансамбля. Составленный им 17 марта 1932 года акт подписан П.Д. Барановским, известным нам В.И. Троицким, нач. исправительно-трудовой колонии А.А. Новиковым — это обвинение существовавшей системе, планомерно и безнаказанно уничтожавшей национальные святыни. В круглой башне южной стены XVI века еще в сентябре 1931 года было по распоряжению Зав. индустриально религиозной школы Горохова уничтожены перекрытие и заложено две тонны силоса. Усилиями того же Горохова была изуродована Сторожевая и Георгиевская башни. Были пробиты окна и двери в братском и казначейском корпусах. По распоряжению некоего Куликова в 1931 году в заповедном парке срубили 54 липы и березы. В конце акта было записано: «Колокольня XVII века. В феврале 1932 года по распоряжению помощника начальника исправительно-трудовой колонии т. Баранова был сброшен вниз с высоты 25-30 метров колокол 1488 года, — являющийся древнейшим памятником медного литья...» В древнейшем монастырском соборе XVI века П.Д. Барановскому открылась потрясающая по степени кощунства и варварства картина, которую он записал в акте: «В Ирининском приделе собора разобран и почти полностью уничтожен редкий древний тябловый иконостас, в сентябре 1931 года воспитанниками индустриально-ремесленной школы. Из икон XVI века устроены судки для собак и клетки для кроликов. В соборе и приделе окна выбиты и помещение занесено снегом»⁶.

Но и это было не все. Боровская исправительно-трудовая колония поставила вопрос в Москве о необходимости сломки части древней стены между Тайницкой и Георгиевской башнями для построения там производственного корпуса. Узнав об этом, П.Д. Барановский докладывал, что под угрозой сноса находятся памятники «исключительной сохранности и ог-

ромной историко-художественной ценности, равного которому после разбора Симонова монастыря нет в республике по единству и цельности впечатления...»⁷

Известия о новых, свершившихся в монастыре в конце 1931 — начале 1932 года вандализмах стали достоянием музейных работников и реставраторов Москвы. Вопросы сохранности ансамбля неоднократно заслушивались на заседаниях ЦГРМ и, видимо, это в какой-то мере повлияло на будущую судьбу знаменитой обители. Несмотря на значительные утраты, основные архитектурные памятники ее уцелели, хотя почти полностью и утратили интерьер.

Приведенная выше документальная история разорения в 1931-1932 годах Пафнутьево-Боровского монастыря едва не привела к непоправимой катастрофе. Сохранившиеся в архивах Москвы документы, описи погибшего церковного имущества важны не только для изучения антирелигиозной и антинациональной политики центральных и местных властей, музейного строительства тех лет, установлений, имен разрушителей. Эти материалы представляют собой уникальный источник для восстановления картины духовного и историко-художественного богатства монастыря. Эти крупницы и помогут определить масштабы утраченного достояния всей России, трагедии отторжения от национальных святынь русского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ ЦГАМО, ф. 4341, оп. I, д. 242. Протоколы совещаний при Боровском музее, акты обследований. 1929-1931 годы. 86 листов;

ЦМАМ, ф. 4341, оп. I, д. 242, л. 57-60.

² ЦГАМО, ф. 4341, оп. I, д. 242, л. 57-60.

³ Там же, л. 20-24.

⁴ Там же, л. 39.

⁵ Там же, л. 3-5.

⁶ ЦМАМ, ф. Р-I оп. I, д. 68, л. I.

⁷ Там же, л. 67.